

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертационное сочинение
СТАРОСТИНОЙ АГЛАИ БОРИСОВНЫ
«МИГРИРУЮЩИЕ СЮЖЕТЫ В КИТАЙСКОЙ ПРОЗЕ
VII–XIII ВЕКОВ»

по специальности:

5.9.4 – Фольклористика, представленную на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Диссертация А. Б. Старостиной «Мигрирующие сюжеты в китайской прозе VII–XIII веков» представляет собой сочинение, выполненное с применением методики компаративистских исследований. Несмотря на то, что диссертация состоит из семи, казалось бы, не связанных друг с другом разделов, посвященных разным международным сюжетам, бытовавшим в народной китайской прозе, она является цельным, логически выстроенным исследованием, объединенным единой целью и методами.

Соискатель ставит перед собой цель «выявить некоторые заимствованные сюжеты на материале средневековой китайской сюжетной прозы и реконструировать возможные пути их миграции». С поставленной целью и намеченным кругом задач для ее достижения автор блестяще справилась.

Знание языка, собственные переводы китайских текстов, помещенные в Приложение, владение знанием не только истории бытования китайских текстов, истории их изучения, классификации и систематизации в китайской науке, но и знанием широкого мирового фольклорного и литературного контекстов (см. солидный библиографический список) придают диссертационному сочинению А. Б. Старостиной особую весомость.

Автор пишет, что импульс к такого рода исследованию она получила

«при знакомстве с исследованиями миграционной школы XIX вв., в первую очередь – с работами А. Н. Веселовского (1838–1906) по исторической поэтике <...>», а «базой для изучения того, какое место китайские ойкотипы занимают в общемировом контексте, для автора стали в первую очередь труды С. Ю. Неклюдова и Ю. Е. Берёзкина» (с. 14). Это говорит о серьезной методологической и теоретической базе проделанного труда.

Непосредственно анализу сюжетов предшествует Введение, в котором, кроме заявленной цели, перечисления задач, указаний на новизну и актуальность исследования, изложения теоретических аспектов, подробно разъясняются методологические принципы («последовательность действий»), которых автор придерживается во всех семи главах при анализе разных сюжетных групп.

На наш взгляд, описанная методика не всегда бесспорна: в отношении, например, определения типа сюжета по имеющимся в нем мотивам и персонажам. В некоторых сюжетах (в совокупности их версий и вариантов) может быть целый набор разных персонажей (например, в сюжетах темы «Мифическая жена»). Иногда один и тот же мотив может присутствовать в совершенно разных по типу, не родственных, сюжетах. Это, кстати, мы можем наблюдать в главах «Дочь мастера», «Белая змея»). Другое дело, если речь идет о наборе мотивов, что, видимо, автор диссертации и имеет в виду.

Практически все положения, вынесенные на защиту, на наш взгляд доказаны. Некоторое возражение вызывают выводы по главе «Белая змея», которая представляется недостаточно структурированной.

Если мы правильно поняли, в исследованиях китайской прозы в отношении сюжетов о жене-змее принято идти от **AaTh:411** (Дин Найтун, Бер-Глинка). Этим путем идет и автор диссертации. В названном указателе тип 411 носит название «Король и ламия».

Но нужно иметь в виду, что названный сюжетный тип является лишь одним из типов сюжетов обширной мифологической темы, которую можно обозначить как «Мифическая жена».

Огромную обобщающую работу по учету сюжетов мирового фольклора по этой теме провели Ю. Е. Березкин и Е. Н. Дувакин [см. библиографию к диссертации, раздел «Источники»: Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н.]. Правда, классификационный принцип там – географический. Возникает вопрос: почему автор диссертации, зная этот указатель, совершенно не приняла во внимание индекс К 25 «Волшебная жена»?

Если бы она шла в целом от темы, а не от одного из ее типов, то это позволило бы увидеть и отобрать для анализа сюжеты, типологически между собой связанные.

На данном же этапе глава представляет собой повествование о самых разных сюжетах, мотивах, персонажах. В этом наборе упоминаются темы «Мифический любовник» и «Мифическая любовница», которые являются самостоятельными тематическими группами (а первая вообще не имеет никакого отношения к анализируемой проблеме). Есть здесь и сюжеты, которые сложно отнести к рассматриваемой типологии. Например, говоря об указателе сюжетов В. Эберхарда, автор называет тип (Eb 112), считая его *«гораздо шире классического «Короля и ламии» (с. 122)*, а как иллюстрацию приводит в Приложении переведенный ею текст мифологического рассказа IV в. *«о романе Чжун Яо – политического деятеля и известного каллиграфа – с умершей дамой» (с. 263)*.

Хотя приведенный текст относится к IV в., подобные сюжеты о встающих из гроба мертвецах, пытающихся вступить в любовные отношения с человеком, встречаются и в поздних восточнославянских быличках. Да и к Белой змее они никак не относятся.

Автор упоминает и сюжеты, где Белая змея не является антагонистом героя, а разлучает их буддийский монах. Приводит и сюжеты (в том числе и тексты в Приложении (с. 264–268), в которых герой, столкнувшись с Белой

змеей в образе утонченной красавицы, погибает от отравляющего воздействия на него змеиного яда. Речи о любовных отношениях в них нет. Все эти перечисленные нарративы уже не имеют отношения к теме «Мифическая жена», но связаны с образом Белой змеи. В связи с этим материал мог бы быть структурирован и в виде системы сюжетов разного плана, но объединенных уже непосредственно образом, тем более, что его анализу в главе уделено много внимания.

Аглая Борисовна привлекает персонажи тюркских традиций таких, как ювха, аждарха и проч., рассуждает о различных превращениях и метаморфозах змей, проживших на земле определенное количество лет.

Если мы правильно поняли, то этот материал понадобился для того, чтобы обосновать появление на китайской почве образа Белой змеи – антагониста человека, преследующей цель погубить его, появившийся здесь в результате иранского влияния. Отсюда и вывод об иранском происхождении соответствующего сюжета.

На наш взгляд, недостаточная структурированность главы по тем или иным принципам обусловила некоторую неточность в выводах по главе.

Не вызывает сомнения вывод о том, что сюжет о злонамеренной женщине-змее *«представлял собой реакцию на принятие новой религии и отказ от змеепоклонства – гипотетически его можно возвести, например, к демонизации змей в ходе борьбы зороастризма с древними иранскими верованиями»* (с. 147). Убедительными представляются и выводы о специфике китайских нарративов: *«В Китае получил развитие вариант сюжета, где в центре событий находится противостояние женщины-змеи и буддийского монаха. Этот буддийский монах очевидно замещает даосских магических специалистов, укрощающих демона у Хун Мая и в «Записках о трёх пагодах на озере Сиху»* (с. 148).

Но с некоторыми выводами сложно согласиться. Например, с утверждением о том, что в Западной Европе и Китае родственные нарративы, близкие сюжету «Король и ламия» появились одновременно, а причины

«следует искать в участившихся контактах обоих регионов с исламским миром» (с. 147).

Во-первых, нет обоснования того, что появление подобных сюжетов произошло в Европе и Китае одновременно; обусловленность для Западной Европы такого появления крестовыми походами (с конца XI в.), на наш взгляд, – недостаточный аргумент.

Во-вторых, сюжет о Мелюзине и ему подобные нельзя отнести к типам сюжетов о злонамеренной жене-змее. Это разные даже не типы, а группы сюжетов (и по характеру развязки, и по сути персонажа).

В-третьих, наличие разных групп сюжетов о мифической жене в пределах одного региона (одной географической зоны) не всегда можно объяснить заимствованием. Свою роль здесь, видимо, может играть и типология: то есть наличие у того или иного народа всех групп сюжетов о мифической жене. Хотя вывод о том, что злонамеренный персонаж, стремящийся погубить своего супруга, в роли мифической жены характерен именно для тюркских традиций, кажется верным. Но, с другой стороны, в тех же тюркских сюжетах даже женщины-оборотни (антагонисты человеку) не всегда выходят за него замуж с целью погубить (возьмем к примеру, ту же аждарху или ювху, снимающую свою голову при мытье, но просто исчезающую, когда ее разоблачили; или алтайский женский персонаж – алмыс и проч.).

В-четвертых, неверно считать повесть Фэн Мэнлуна «Белая жена навеки заключена под пагодой Громового пика» и «Роман о Мелюзине» Жана д'Арраса *«локальными литературными версиями сюжета одного и того же предания» (с. 147).*

Как уже сказано выше, это не разные варианты, а разные сюжеты, относящиеся к разным по типу развязки группам сюжетов темы «Мифическая жена», несмотря на сходство некоторых эпизодов. А литературная обработка здесь не меняет фольклорной первоосновы.

В-пятых, сложно согласиться и со следующим заключением автора: «В Европе же демоническое начало в героине было ослаблено с помощью переформатирования сюжета и превращения женщины-змеи в полуфею, стремящуюся стать человеком. С введением мотива запрета/условия и его нарушения, отсутствующего в реконструируемом иранском оригинале и в китайских версиях, легенда о Мелюзине перемещается в число сюжетов о волшебных супругах. Одновременно бледнеет религиозная окраска сюжета, появляются варианты, в которых противостояние женщины-змеи и христианского священника смазано или снято» (с. 148).

Демонического начала в европейской героине в данном типе сюжета изначально не было, и оно не было «ослаблено с помощью переформатирования сюжета». Это был просто иной тип сюжета. И фея как его героиня тоже была изначально, а не превращена в нее позже. Это была фея-дух озера.

Мотив запрета/условия не был введен в «реконструируемый иранский оригинал», а был изначально присущ этому типу сюжета (и не обязательно иранскому).

Заключение о том, что легенда о Мелюзине «перемещается в число сюжетов о волшебных супругах» тоже неверно. Этот сюжет был там изначально (в пределах темы «Мифическая жена»). И одним из сюжетных ходов такого типа сюжетов как раз является нарушение брачного условия. Религиозной окраски, а тем более противостояния «женщины-змеи и христианского священника» не «смазано или снято», а изначально не было.

Одним словом, роман о Мелюзине и повесть о змее под пагодой – принципиально разные типы сюжетов внутри темы «Мифическая жена».

Высказанные соображения носят характер дискуссионный и не умаляют значения проделанного Аглаей Борисовной большого труда.

Структурно выдержанными и последовательными представляются нам главы «Крылья принца», «Дочь мастера». Последняя глава «Гора с сокровищами» носит, на наш взгляд, преимущественно описательный

характер. А вот главу «Колдуньи» хочется отметить как наиболее развернутую, глубокую, иллюстрирующую не только методическую зрелость автора, но и отличное знание широкого мирового фольклорного и литературного контекста бытования и изучения анализируемых сюжетов.

Таким образом, диссертационное исследование А. Б. Старостиной обладает актуальностью (показана действенность методики компаративистских исследований); новизной (впервые рассмотрены в компаративистском ключе средневековые китайские нарративы, относящиеся к разным сюжетным типам; в научный оборот введены малоизученные материалы китайской средневековой сюжетной прозы). За последнее хочется сказать особое спасибо автору. Теперь при составлении международного указателя сюжетов темы «Мифическая жена» (которое мы собираемся предпринять) у нас будет достоверная, научно выверенная информация о существующих китайских формах.

Работа имеет теоретическую и практическую значимость. Теоретическая связана с открытием новых перспектив для компаративистских исследований в области фольклористики, которые открывает систематическая проработка сохранившихся китайских средневековых сборников сюжетной прозы и энциклопедических сводов.

Практическая значимость заключается в возможности дополнения существующих индексов сюжетов китайского фольклора, а также использования полученных результатов при создании справочных изданий, составлении учебных программ по фольклору и мифологии Китая.

Работа прошла серьезную апробацию в многочисленных докладах автора на конференциях различного уровня (с 2017 по 2024 гг.), большей частью международного характера, в том числе и в Китае.

Итоги исследования были отражены примерно в 40 научных публикациях, в том числе во вступительных статьях к изданиям переведённых автором сборников рассказов, в монографии «Бродячие сюжеты в китайской средневековой прозе» (ИВ РАН, 2024), а также в

журнальных статьях. 17 из них – в рецензируемых научных журналах, где должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук (в том числе 9 – в журналах, индексирующихся в базе Scopus).

Представленный автореферат по диссертации соответствует предъявляемым требованиям.

Таким образом, по актуальности, проблематике, научной новизне, теоретическому уровню и практической значимости диссертация Аглаи Борисовны Старостиной «Мигрирующие сюжеты в китайской прозе VII–XIII веков» соответствует п. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением правительства РФ от 24.09.2013 N 842, и заслуживает присуждения ее автору искомой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.4. – фольклористика.

Козлова Наталья Константиновна, доктор филологических наук (специальность 10.01.09 – фольклористика), доцент, профессор кафедры литературы и культурологии ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», nkf@rambler.ru

Контактные данные:

644099, г. Омск, набережная им. Тухачевского, д. 14,

ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет»,

тел./факс: +7 (381-2) 25-14-62,

электронная почта: mail@omgpu.ru, веб-сайт: <https://omgpu.ru/>.

01.12.2020

Козлова Н. К.

Председателю
диссертационного совета 24.1.080.01
по филологическим наукам,
созданного на базе Института мировой
литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук,
В.Л. Кляусу
от Н.К.Козловой

О согласии выступить
официальным оппонентом

Я, Козлова Наталья Константиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы и культурологии ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет» подтверждаю свое согласие выступить официальным оппонентом на защите диссертации А.Б. Старостиной «Мигрирующие сюжеты в китайской прозе VII–XIII веков», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.4 – Фольклористика, и предоставить отзыв в диссертационный совет 24.1.080.01 по филологическим наукам в установленном порядке.

Приложение: Сведения об официальном оппоненте на 2,5-х листах.

20.11.2025

Н.К. Козлова

Подпись
Заверяю: ученый секретарь
ученого совета ОмГПУ
Витенляйтнер Н.В.
20.11.2025 г.

Сведения об официальном оппоненте
по диссертации Старостиной Аглаи Борисовны
«Мигрирующие сюжеты в китайской прозе VII – XIII веков» по специальности 5.9.4.
«Фольклористика» на соискание
ученой степени доктора филологических наук

Фамилия, имя, отчество	Козлова Наталья Константиновна
Ученая степень (с указанием специальности)	Доктор филологических наук по специальности 10.01.09 «Фольклористика»
Ученое звание	доцент
Основное место работы	
Полное наименование организации в соответствии с уставом	ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет»
Сокращенное наименование организации в соответствии с уставом	ОмГПУ
Полное наименование структурного подразделения	Кафедра литературы и культурологии
Почтовый индекс, адрес организации, адрес электронной почты	644099, г. Омск, набережная им. Тухачевского, д. 14. ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», электронная почта: mail@omgpu.ru,
Веб-сайт	веб-сайт: https://omgpu.ru/ .
Телефон	тел./факс: +7 (381-2) 25-14-62.
Список основных публикаций оппонента, составляющего отзыв, за последние 5 лет (не более 15 публикаций)	• Козлова Н. К. «Вятские – ребята хватские...» (прииртышские фольклорные тексты о вятских) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 50–66. • Козлова Н. К. Философский потенциал тюрков и финно-угорских народов // Философские формы в культуре: Монография к 75-летию доктора филологических наук, профессора, ректора Омской гуманитарной академии А. Э. Еремеева. Омск: Изд-во Омск. гуманит. академии, 2021. С. 13–24. • Козлова Н. К. Симеон Верхотурский. Некоторые фольклорно-этнографические данные о почитании местночтимого святого // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2021. Вып 1 (10). С. 215–226. • Козлова Н. К. «Как я почту в войну носил...» (всегда ли условны сказочные пространство и время) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (Вып. 42). С. 75–82. • Козлова Н. К., Багринцева В. Ю. «Записки из мертвого дома» Ф. М. Достоевского и другие омские свидетельства о бытовании народной драмы // Наука о человеке: Гуманитарные исследования. Омск, 2021. Т. 15, № 4. С. 21–31.

• Козлова Н. К. 70 лет омской фольклористики (изучение, сохранение и актуализация народной культуры Сибири, ее прошлое и настоящее) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2. 2021. № 4. С. 108–113. 2022

• Козлова Н. К. История одной рукописи (о сборнике Н. Ф. Чернокова «Сибирские песни и игры. Дневники и письма», составленном И. С. Коровкиным) // Аношинские чтения: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Т. Н. Золотова. Омск: Издатель-Полиграфист, 2022. С. 255–233.

• Козлова Н. К. Фольклорный архив ОмГПУ: проблемы сохранности и обработки экспедиционных материалов // Народная культура Сибири: история и современность: Материалы Всерос. конф., посвящ. 70-летию со времени проведения первой фольклорной экспедиции Омск. пед. ин-та, и XXX науч.-практ. семинара Регион. вузовск. центра по фольклору / Отв. ред. Н. К. Козлова. Омск: Изд. дом «Наука», 2022. С. 53–58.

• Заповедный край. Народная культура с. Крестики Оконешниковского района Омской области: коллективная монография / Е. Я. Аркин, В. Ю. Багринцева, Н. Н. Вельгоша, Н. К. Козлова [и др.]; под ред. В. Ю. Багринцевой, Н. К. Козловой. Омск: Золотой тираж, 2022. 208 с.

• Тюкалинская свадьба. Свадебные традиции русских старожилов Омского Прииртышья: коллективная монография / В. Ю. Багринцева, М. А. Жигунова, Н. К. Козлова, Н. И. Лаптев, Т. М. Репина, О. Г. Сидорская; под ред. В. Ю. Багринцевой. Омск: Золотой тираж, 2023. 228 с.

• Козлова Н. К. Первые фольклорно-этнографические материалы по русской старожильской свадьбе Прииртышья и перспективы работы с ними // Вестн. Санкт-Петербург. гос. ун-та технологии и дизайна. Сер. 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2024. № 2. С. 130–132.

• Козлова Н. К. Этнокультурное наследие. Два омских издания о традиционной культуре русских старожилов Сибири // Сибирь в судьбе России. К 30-летию фонда «Возрождение Тобольска»: Сб. статей Всерос. науч.-практ. конф. / Ред.-сост. Н. А. Ягодинцева. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2025. С. 285–293.

• Козлова Н. К. Информации и песенные тексты белорусских переселенцев Тюкалинского района Омской области (по материалам экспедиций 1976, 1978 гг.) // Народная культура Сибири:

Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (XXXIII науч.-практ. семинар) / Отв. ред. Н. К. Козлова. Омск: Изд. дом «Наука», 2025. С. 60–67.

- Козлова Н. К. Проблемы составления указателя сюжетов мифологических рассказов на тему «Мифическая жена» // Традиции во времени: Тез. докл. IV Междунар. чтений памяти В. М. Гацака / Отв. ред. В. Л. Кляус, З. Я. Рахматулина. Уфа, 2025. С. 79–87. Научная жизнь 202

- Козлова Н. К. Опыт составления указателя мотивов русской мифологической прозы Сибири: рассказы о мифическом хозяине крестьянского дома и подворья // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55). С. 9–32.

Козлова

Н. К. Козлова

М.П.

«20» ноября 2025 г.

